

ГВЕНДОЛИН ДОУ

Ловя отражение Луны

Издательство АСТ
Москва

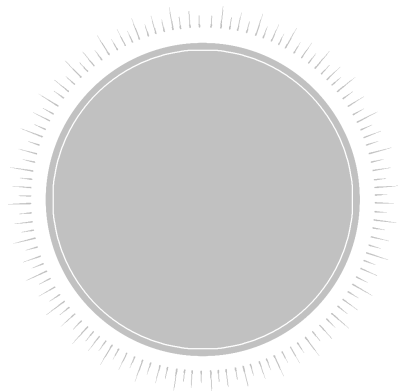
*Посвящается всем потерянным
и до сих пор ненайденным*

A stylized sun with a dark circular center and a white outline, surrounded by white wavy lines representing rays. The sun is positioned in the upper half of the page. The background is a textured gray with a subtle pattern of white wavy lines.

ПРОЛОГ

ДЕНЬ
ЧЕРНОГО
СОЛНЦА

— **Ч**то за времена... Даже собаки — и те умирают посреди дня. Белобровый старик Сю потрогал палкой бездыханное тело животного. Острый древесный конец уткнулся в нечто мягкое — видимо, живот. Бедная тварь еще не успела остыть.

Старик был почти слеп и согнут жизнью в вечном полупоклоне. Полы его одежд покрывали пыль и грязь, а кожа рук была в трещинах от тяжелой работы в поле.

Простой житель деревеньки неподалеку от хребта горы, именуемой Трехглавой. Верно, он с самой юности только и делал, что занимался земледелием, кормя просвещенные умы. Не было у него великих забот и тревог.

— День подходит к концу, дедушка. Что вы здесь делаете? — Голос прозвучал так близко, словно незнакомец вдруг сел на край его ушной раковины.

Дедушка Сю вздрогнул и беспомощно постучал садовой тростью вокруг. Несмотря на почти полную слепоту, он все же различил очертания оказавшегося рядом человека.

Незнакомец стоял, почесывая босой ступней щиколотку. Похожий на вымоченную в чернилах лохматую цаплю, он смотрел то на труп животного, то на жителя деревни.

— Я шел домой, торопился, — вздохнул старик.

— Вас кто-то ждет, дедушка? Могу проводить вас.

— Нет-нет, добрый господин, я хорошо помню дорогу.

— Правда? — Человек протянул руку и коснулся пальцем трости. — Времена беспокойные. Верные псы умирают на дорогах, да и не псы это вовсе, а чудища. А говорят же еще — не слышали? — ненастье возвращается домой.

Белобровый старик Сю задержал дыхание. А незнакомец обхватил рукой деревянную трость, которая мелко-мелко дрожала. Хоть старик и почти потерял зрение из-за болезней старости, но его нюх, наоборот, только обострился. Ладони незнакомца были испачканы в земле и пахли ею.

— Мальчик, ты иди. Иди. А о собаке я... я позабочусь.

— Правда? Старик, да ты весь дрожишь и слюной исходишь! — У старика Сю отняли трость, и он беспомощно замахал руками. — Даже и не мечтай. Хоть знаешь, кем был этот волк?

— Волк? Это волк?! О, нет-нет. Сдохший на дороге волк — дурное предзнаменование. Скверные, скверные времена нас ждут... Где моя трость?

— Этот волк — все, что у меня было. А трость? Вот же она, дедушка.

Череп старика смялся под ударом, словно вылепленный из глины.

Мо Яну — в совершеннолетию Мо Юэчэню¹ — было двадцать восемь лет, когда он понял: скорее собаки научатся летать, чем его, несущего невзгоды, оставят в покое.

¹ Официальное имя нашего героя, которое он получил в совершеннолетию. Используются имя в быту (Ян) и официальное имя. — Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.

Он небрежно счистил грязь с ног о дощатый пол и зашел в дом. Старик остался лежать на дороге, а волка мужчина перенес в высокую полевую траву неподалеку. На то, чтобы устраивать еще одно захоронение, не осталось ни сил, ни времени.

— Ох, матушка, твой сын-негодяй вернулся домой.

Мо Ян, уже взрослый и ставший и вором, и разбойником, и просто-напросто гнусной псиной, опустился на колени перед алтарем для почитания предков, возведенным в честь единственного человека, который заботился о нем в жизни.

Дом рода Мо выглядел так, словно едва пережил нападение кочевых племен. Содранные ткани, на которых вышивала мать, стоптали до грязи. Дверь сняли с петель, разворовали, разграбили и разобрали все, что только могли унести в руках. Но хуже всего была другая картина, которую Мо Ян застал ранее: труп матери он нашел прибитым стрелами к дощатому полу. Сын, сокрушаясь и рыдая, забрал тело и похоронил в поле на заднем дворе.

Затем он вернулся в дом и сделал то небольшое для уважения ее памяти, что только мог.

— Теперь все хорошо. Я спрятал тебя. Никто не найдет, не сможет над тобой надругаться.

Мо Ян искал на полках и в ящиках палочки благовоний. Движения были монотонными, спокойными. И не сказать, что он недавно похоронил мать.

Найдя заветную палочку, он зажег огонь и склонился на полу в почтительном поклоне предкам. Гление пожирало древесную основу, и ярость в душе превращалась в обоюдоострое лезвие.

Мо Ян резко вскинул голову и взглянул на солнце сквозь пробитую брешь в крыше дома.

— Небеса! — Он воздел руки к небу. — Вы же смотрите, верно? Вам... Вам весело?! Весело было смотреть, как бедняжка Мо Сяохун умерла вместо своего никчемного сына?!

Мужчина рассмеялся, под конец зайдясь в кашле. Оставалось еще несколько дел на Трехглавой горе, которые было необходимо завершить перед уходом.

Мо Ян быстро прибрался, пока огонь догорал. Забрал маленькую подвеску из яшмы, оставшуюся от покойного отца. И завернул в платок доказательства преступления: стрелы, сияющие, словно солнечные лучи. С соколиным оперением.

При мысли об их владельце Мо Яна обдало жаром. Каким он был дураком, когда думал, что мог найти себе место рядом с благополучными звездами на небосводе.

— О матушка, нет, твой никчемный сын не собирается задерживаться в мире дольше тебя. Но видишь ли, я всегда мечтал завести много друзей. Раз так, то их всех с собой заберу — в Диюй¹.

Будет лучше, мама, если я сам уничтожу наш дом.

Мужчина поднялся, отряхнув полы одежды, и направился к выходу. Прежде чем отправиться к предкам, ему нужно посетить еще несколько мест.

В детстве Мо Яну казалось, что им с мамой очень повезло: рядом с домом простиралось цветочное поле. Можно было уйти и спрятаться в высокой траве, забывая обо всех мирских заботах. Лечь на теплую землю и смотреть в небо или на виднеющиеся вдали горные хребты, изящный гребень Трехглавой горы, где жили и учились могущественные заклинатели.

Повзрослевший же мальчишка видел только жалкий клочок земли с цветочками, который существовал лишь потому, что слабая Мо Сяохун не могла возделывать землю.

Теперь там покоилось тело волка, который сопровождал Мо Яна на его одиноком пути, а родительский дом за спиной постепенно съедал огонь. Спину

¹ Диюй (кит. 地狱) — царство мертвых или ад, преисподняя в китайской мифологии.

обожгло теплом — скоро на пожар сбегутся, надо уходить.

Пришло время подняться на Трехглавую гору, выразить почтение учителю и повидать старых друзей.

Сначала Мо Ян пришел в небольшое поселение у подножья горы. Смеркалось, и он приблизился к ближайшему дому, где горел свет.

— Господин, будет ли у вас в такой поздний час кувшин сливового вина? — Мо Ян постарался улыбнуться, блеснув клыками из-под тени наброшенного на голову капюшона. У него с рождения были бледные глаза, по которым его можно очень легко узнать. Поэтому он скрыл лицо, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Владелец постоянного двора на окраине городка улыбнулся. Он как раз собирался закрывать винную лавку, что держал при дворе, и еще оставалось несколько кувшинов. Это был высокий, крепко сбитый мужчина средних лет, добродушный и даже простоватый на вид.

— Вы будете пить в одиночестве? Я мог бы предоставить вам комнату, странствующий господин.

Чуть вытянув шею, владелец двора увидел, что его посетитель бос и грязен. Желание предоставить такому гостю чистую кровать растаяло, словно последний весенний снег.

— Нет в этом нужды. Ночь сегодня теплая. Мне, пожалуйста, кувшин вашего лучшего вина.

Мо Ян вытянул перевязанную руку из рукава и уронил на стойку несколько десятков медных цян¹.

¹ Цян — круглая китайская монета с квадратным отверстием внутри.

Этого должно было хватить... По крайней мере, это все, что у него имелось.

Вот и вино. Владелец, смерив путника взглядом еще раз, решил, что тот слеп, но все равно пересчитал монеты и не взял лишнего.

Мо Ян проморгался. Его окружал тусклый свет фонарей и густые тени засидевшихся постояльцев. Это местечко у местных было не так популярно, как «Полная чаша», куда частенько забегали ученики с Трехглавой, спускаясь отдохнуть от изнурительных тренировок. Кажется, владелец постоянного двора был знаком Мо Яну, хотя он давно не был в этих краях.

Этот бледный шрам на подбородке, не может быть... Его изгнали из-за Мо Яна, проклятого зверя?

— Благодарю. — Путник, проигнорировав сдачу, взял кувшин и поспешил к выходу. Лучше бы он и не заходил сюда вовсе, лучше бы и не знал, не вспоминал это лицо.

Стоило отправиться на гору ночью... Но он не мог найти в себе сил. Мо Ян так долго убегал и прятался, что разучился преследовать и нападать. Для этого ему нужно было вспомнить всю короткую жизнь до того момента, когда он узнал о своей несчастливой судьбе.

Мужчина устроился на крыше, вдыхая ночной воздух. Лента с волос ласковой змеей скользнула в руку. Он уселся поудобнее, смотря на источник всего своего горя, горя матушки — Трехглавую гору. Путь к той лежал через маленькое поселение, в котором он сейчас и находился.

— Что за чудесная ночь! Жаль, что нет никого, способного разделить со мной чашу, — сказал Мо Ян, выдыхая тепло вместе со словами. Он не был охочим до выпивки: не удавалось выделить достаточно времени, чтобы сесть и в полной мере насладиться вкусом вина.

Вдали горели огни чайного домика, из которого до поздней ночи доносились голоса пузатых братьев-рассказчиков. Мо Ян пил сливовое вино и слушал

обрывки сказа о том, как богиня плодородия одарила народ щедрым урожаем в этом году. Мо Ян пил сливовое вино и слушал о подвигах героя-заклинателя, который луну назад лишь одной своей золотой стрелой сразил уродливую тварь, что наводила ужас на город, расположенный неподалеку от Восточных берегов. Мо Ян пил сливовый яд, и с каждым глотком тот медом обволакивал горло.

Слышали? Говорят, жена этого героя совсем скоро должна разродиться, и, согласно пророчеству великого Астролога, этот птенец будет с третьим глазом Провидения, дополнительной парой рук и еще чем-то таким, что есть у всех ваших божеств. Слышали?

Мо Ян не удержался и захихикал от собственных идей. И как этот чудесный младенец-небожитель сможет вылезти на белый свет?

Но не стоило забивать подобными мыслями голову. Мужчину заботило лишь, сколько слив он успеет сорвать и сожрать перед своей бесславной кончиной.

Он выпил еще вина. Холод постепенно начал добираться до Мо Яна, касаясь босых ступней и ныряя под кожу. Неожиданно он подскочил и зашагал по крыше, как городской сумасшедший.

— Я ведь тоже мог бы рассказать историю там, в чайном доме. Отчего бы и нет, вдруг она кого-нибудь позабавит? Ничем не хуже бесконечных сказов о похождениях этого надменного журавля, что окружен курами¹. Эта история здорово всех позабавит, ведь она про неудачника. С самого начала ему — нашему неудачнику — не было предназначено успехов, которыми могла бы гордиться его мать. Он родился не слепым,

¹ Журавль, окруженный курами — китайская идиома, обозначающая человека, который возвышается над окружающими, выделяется среди других своими способностями, который на голову выше других.

жаль, а с проклятыми глазами, из-за чего сверстники всячески издевались над ним...

Мо Ян замолчал — и весь городок, и чайный домик напротив, и улочки затихли, словно затаив дыхание и став его верными слушателями. Он смочил горло вином и с улыбкой продолжил:

— Но маленький дурак не хотел мириться с участью неудачника. Он возомнил, что сможет чему-то научиться, для чего-то пригодиться, кому-то — ну разве не смех? — помочь! Он пошел проситься в ученики к великому даосу, поднявшись на самую вершину заснеженной горы. Даос сжалился над неудачником, позволив тому учиться наравне с обычными людьми. Наивный даос не знал тогда, какое чудовище приютил. Все было замечательно, пока не явился знаменитый на всю Поднебесную Астролог. Тот сразу понял, что недостойный кусок плоти не принесет ничего, кроме несчастья, всем, кого только встретит. И замахнулся на него расписным веером. Тогда, ощутив страх за свою дрянную шкуру, мальчишка сбежал с горы, опустившись на четвереньки, словно пес! Спустя какое-то время он понял, что все дома, мимо которых он пробегал, теперь пожирает черное пламя. Тогда мальчик стал бежать быстрее и быстрее, мечтая найти такое место на свете, где его никто не сможет найти.

Мо Ян выдохнул и покачал рукой пустой кувшин из-под вина.

— Но это чудовище не заметило, что вместе с другими сожгло дом своей несчастной матушки. Когда его руки, став звериными лапами, стерлись в кровь, он остановился и понял, что вокруг него больше не осталось никого и ничего. Лишь пепелище.

Мо Ян внезапно заметил, что на улице он не один. Подойдя к краю крыши, он свесил голову вниз. Его глаза блеснули в темноте. Оставалось еще несколько часов до зари.

Владелец постоянного двора и правда был ему знаком. Он окоченел в ужасе, смотря на Мо Яна. Какое же несчастье.

— Ох, братец Су... Я так не хотел, чтобы ты это услышал.

Гениальный Астролог был прав: неудачник Мо действительно оказался чудовищем, волком в человеческой шкуре. Слишком легко ему давалось искусство создания всевозможных талисманов, печатей с использованием жизненной энергии. Духовного оружия у него не было: не успел обзавестись в учебные годы, да и не особо-то в нем нуждался, будучи любителем рукопашных боевых искусств. А его глаза... Со временем оказалось, что они годны не только для того, чтобы делать Мо Яна объектом насмешек. В итоге он совершенно заслуженно получил прозвище Ненастья.

Мужчина шел, шлепая босыми ногами по каменным лестницам. Он был очень сосредоточен и старался не поскользнуться на лужах крови, которые оставлял позади себя. Повязки давно спали с его рук, обнажив тянущиеся до локтей письмена на коже, которые собирались в печати. Техники Мо Яна преобразовывали его ци, усиливая удары и позволяя пробивать жизненно важные точки одним касанием. Теперь же он питал печати и собственной кровью, пока тащил свое тело на гору, и сила его возросла многократно, пусть он и терял при этом жизненную энергию.

Он поднимался по лестницам уже достаточно времени, чтобы приблизиться к школам Трехглавой. Между тем начинался новый день — для тех жителей городка, которые пережили ход Ненастья, конечно. Небо, словно выпив чашу пролитой с утра крови, алело, хотя заря

давно прошла. Мо Яну было плевать. Небесные тела выглядели угрожающе, но ему нужно было лишь забрать в Диюй как можно больше людей, прежде чем небожители спустятся и уничтожат его самого.

— Ни шагу дальше, чудовище!

Конечно, возьмут и дадут тебе войти через главную дверь без лишнего шума.

Дорогу ему преградил статный красавец-даос едва ли старше Мо Яна. Его благородное лицо обрамляли темные локоны, выделенные из высокой прически. Лезвие его меча блеснуло в свете утопающего в алых небесах солнца.

— Скольких ты уже убил, отребье! Что взбрело в твою проклятую голову? Ты съел сердце медведя и наелся желчи леопарда¹?! — грозно воскликнул заклинатель.

М-да. Наверное, потребовались годы тренировок, чтобы это все без запинки выпалить.

— О. Так ты, стало быть, запомнил меня? — широко заулыбался, как от похвалы, Мо Ян. — А я вот тебя нет, ступенька.

— Ах ты...

Конечно, он помнил этого надменного павлина. Просто не удержался. Как же смешно этот выскочка скорчил свое нефритовое лицо в гневе! Услада для проклятых глаз. Мо Ян в прошлом плевался пылью и песком от ударов старшего ученика школы Жуаньюй Мулань², Цзюнь Лу. И теперь пришла пора отблагодарить бывшего соученика за его уроки.

Первая серия ударов прошла мимо. Бой изначально был неравен: Цзюнь Лу был силен, бесспорно, но все его движения глаза Мо Яна видели наперед. Таковую силу

¹ Съесть сердце медведя и наесться желчи леопарда — идиома, означает «иметь мужество/дерзость сделать то, чего кто-то обычно не делает».

² Жуаньюй Мулань (*кит.* 软玉木兰) — Нефритовые Магнолии.

даровало ему проклятье — видеть поток ци и ее направление, будь она хоть божественной, хоть демонической. Особенно если сконцентрироваться. Жаль, что он не умел снимать кожу со своих жертв силой мысли или поджигать мановением руки, как говорили слухи.

Пока гордость школы Мулань исходил потом и кровью, Ненастье спокойно, почти скучающе уходил от каждого выпада. Словно издеваясь над противником, перед тем, как отправить его к предкам. Мо Ян ясно видел, куда и как надо ударить, в какой момент повернуться.

Цзюнь Лу, скалясь, остановился и постарался восстановить дыхание. Куда тварь ударит сейчас? Нужно просто проследить за его движениями. Что за позор будет, если победит соперник, который даже не носит с собой оружия, а сражается кулаками?! А глаза, его глаза...

Из мыслей его вырвал резкий щелчок. Плечо оказалось в мгновение ока вывихнутым. Когда Мо Ян успел ударить? Нет, нет времени на раздумья, ведь чудовище стоит совсем рядом, и он должен защититься...

Мо Ян — изношенная в бегах и сражениях за выживание шкура — забавлялся с почтенным заклинателем, словно тот был неразумным щенком. И за это платил жизненными силами, годами собственной жизни.

Он не улыбался, хотя должен был ликовать. Прежде чем Цзюнь Лу собрал силы для удара, Мо Ян резко вскинул ногу вверх и опустил на плечо того, пяткой выбивая плечевую кость из сустава. Цзюнь Лу не смог сдержать истошного вопля.

— Вот и все. Кончился наш герой, — сказал Мо Ян, спасая благородный клинок от падения. Этой игрушкой он тоже владел, но не слишком умело. — А теперь не дергайся. Я все-таки волнуюсь, это мой первый раз.

Цзюнь Лу зашелся в кровавом кашле — видимо, прокусил себе язык. Его волосы были в ужасном беспорядке, а светлые одежды испачканы в крови.

— Ты, проклятый убл... Ты не пройдешь дальше! Тебя остановят другие, если не я!

Дальше он говорить не смог. Все произошло быстро, неаккуратно, чудовищно. Мо Ян, приставив клинок к его горлу, представил, как мясник отрезает голову забитому теленку.

И... у него тоже получилось! Вот она, голова гордости Пика Магнолий, с перекошенным лицом красуется в его руке. Срез вышел неровным, а от вопля героя-одноплеменника у Мо Яна заложило уши. Он скривился и ногой отпихнул обезглавленное тело в сторону.

Удовлетворение от вида побежденного врага длилось едва ли дольше мгновения. Это не та голова, которую он желал видеть преподнесенной на блюде из серебра и драгоценностей. Прицелившись, он запустил ее с горного обрыва. Пусть ищут потом, сбиваясь с ног.

Не успело остыть тело даоса, как рощу, где располагался общий обеденный зал, охватило пламя. Считалось, что земля, где ступало Ненастье, воспламенялась сама по себе, но в этот раз Мо Ян изволил помочь репутации и поджег все самолично. Движения его были неспешными, размеренными. Ярость вдруг утихла, и на душе появился невиданный за долгие годы скитаний покой. Может быть, он и правда все это время был предназначен для хаоса?

Выходя из зала, Мо Ян заметил сапожки съездившегося под дальним столом младшего ученика. Решив не тратить на мелочь свое время, мужчина вышел на небольшую площадку. Раньше тут собирали учеников, а сейчас не было никого, кроме Мо Яна и...

Его встретило алое небо. Солнце медленно выжигало тьма застилающей его луны, и вокруг стоял запах гари. Младшие ученики, кто не успел сбежать и спрятаться, лежали с переломанными конечностями.

Словно лиса зашла в курятник.